

ТРАДИЦИИ СЕДОЙ СТАРИНЫ

В 2010-2011 годах вышли в свет две части книги нашего внештатного корреспондента Нелли Дмитриевны Коробенковой «Семь колец жизни. Родословные сюжеты». Книга посвящена истории бурятских родов. Газета «Бичурский хлебороб» предлагает читателям отрывок из вводной части этой книги.

«В прежние времена, когда великое небо было пёстреньким, земля тоненькой была, великое море было бродом, быстрая Ангара ручейком была, сандаловое дерево ростком было, великий изюбр изюбрёнком был, тогда...»

Так начинались героические восточные песнопения. Не «по замыслению Бояна», а по традициям *улигеров* перенесёмся и мы в седую старину.

В те стародавние времена, когда на Земле было теплее, чем сейчас, и трава была по пояс, а в небе чуть не беспрестанно парили степные орлы, когда не было ружей и стреляли из луков, бурятская земля окаймлялась зелёным морем лесов. В них водилось непуганое зверьё, гнездились страусы. В голубых чашах озёр, в полноводных реках и сотнях мелких речушек кишела рыба. До недавнего времени живы были старики, которые помнили, как по степи ходили большие спокойные серые птицы – дрофы. Водились дикие соколы, с которыми охотились владыки, а два раза в год в высоком небе пролетали караваны птиц – весной на север, осенью – на юг. Обитали в здешних местах «лохматые слоны» – мамонты, а на тяжёлых неуклюжих посудинах, долблённых из целого ствола, позже на лёгких быстрых лодках, прибившись к берегу, торили здесь первые тропки праотцы нынешних жителей Забайкалья. Край был редко населённый, просторы необъятные, богатства несметные. С древних времён кочевал по степи народ вместе с пятью видами скота (*табан хушуун мал*): лошадей, коров, овец, коз и верблюдов.

Что видел предок сегодняшних бурят, выходя из юрты, где он уже поклонился *бурхану* и огню в родном очаге? *Бурханай шэрээ* (божница) – святое место, обязательный атрибут домашнего интерьера всех кочевых народов Азии, исповедующих ламаизм. Что видели они с восходом солнца? То же вечное небо, те же безбрежные лесные просторы, крутые склоны зубчатых гор и пологие гольцы. Каждое утро хозяин, выходя наружу, держал в руках чашку с чаем ли, с молоком и совершал вековечный ритуал. Он, человек, тоже дитя Природы, просил у матери – Природы, чтоб она надёжно оберегала его очаг, семью, скот. Просил, чтоб *сабдах* (духи) – хозяева гор, степей и воды, помогали приумножать скот, чтоб миновали всех болезни и несчастья, чтоб благополучными были перекочёвки.

Обычно кочевали дважды в год – на зимники (*убэлжсоон*) и летники (*зуһалан*). Кочёвка – хлопотное для взрослых дело, зато радость для детворы – новое место, новые впечатления. В любое время года у ребятишек свои игры и забавы. Скакали на лошадях, играли в кости (*шагай*, бабки). Взрослые (обычно во время праздника) состязались в умении переломить ударом кулака кость рогатого животного (*нээр хухолха*).

Придя на новое место, по обычаям предков, буряты первым делом просили разрешения у *эженов* (покровителей) местности, затем ставили деревянные *юрты*, позже постройки русского типа: избы, зимовья, амбары, скотные дворы с навесами – *хотонами* и освящали усадьбу.

Бурятская *юрта* – уникальное жилище. Она священна, через неё предки поддерживали связь с космосом. *Юрта* проста и практична. Благодаря обтекаемости форм, своему куполообразию, она защищена от ветров, снега, дождя. Материал – войлок – «дышит», зимой в *юрте* тепло, летом прохладно. К тому же она лёгкая – её несложно перевозить. Итак, первым делом обустроив жилище, вторым делом рядом с ним устанавливали *сэргэ* – коновязь. И называли не просто коновязью, а *Алтан сэргэ* – Золотая коновязь: у всех кочевников конь пользовался особой любовью. Его называли *эрдэни* – драгоценность, ибо конь – первый помощник и мерило ценности у бурят. Народная мудрость говорит, что, наделив человека крыльями, небо взамен даровало ему лошадь. А ещё, гласит бурятская пословица, «без собаки пастух глухой, без коновязи *юрта* степняка глуха».

«Бурят шагу не сделает без коня, – читаем у путешественника Раева, – это друг с самой колыбели. Вне *юрты* трудно встретить бурята иначе, как на лошади: будет ли это *тайша*, *шуленга*, *лама* или простой мужик, мальчишка или старик, мужчина или женщина. В недавнее только время стала входить в моду у бурятской аристократии езда на тарантасе». Степняки – прирождённые скотоводы. Потому и бытуют у них такие, например, поговорки: «Кто выращивает скот, у того губы всегда в масле». Но только доставалось это масло, ох, как нелегко.

Однако, люди, перенявшие многовековой опыт, знали, где лучше обустроиваться (в ложбинках, падах, около лесов, речек и ключей), умели выбирать места с хорошим травостоем не только летом, когда трава в полном соку, но и в зимнюю пору. Ведь скот содержался на подножном корму круглый год.

Случались тяжёлые последствия от засухи и прочих, как сейчас говорим, природных катаклизмов. Не случайно в бурятских летописях, наряду с важнейшими событиями частной и общественной жизни, особо отмечаются погодные условия, в том числе и аномальные.

...в 1837 году, в год Курицы, летом была засуха, а зимой не было снега.

...в 1839 году, в год Свиньи, произошел *дзуд* (большой падеж скота),

...в 1866 году, в год Тигра, было сильное наводнение.

О природных бедствиях писал декабрист Н.А.Бестужев: «Большой снег здесь – бедствие для всего края, скотина не может добывать пищу из-под глубокого снега, и у нас за Байкалом вывалились сотни тысяч скота, лошадей и баранов».

Главное занятие бурятского народа – скотоводство – отразилось на его менталитете. «Буряты больше «дети природы», чем европейцы», – считает исследователь В.Д. Бабуева. Примечательно, что на прошедшем в 2006 году телевизионном конкурсе «Народный артист» член жюри Алена Свиридова охарактеризовала посланника Бурятии Амархуу Борхуу с его трогательным хвостиком густых волос, лучезарной улыбкой, с его словом «печеньки» именно этими словами – «дети природы», отметив непосредственность и искренность исполнителя. Он, к всеобщему ликование, и стал Народным артистом.

Амархуу Борхуу исполнял современные песни. Как и все народы мира, буряты пели, танцевали, играли во все времена. Из глубины веков дошли до XXI века игры, танцы, связанные с жизнью, бытом бурятского народа. Популярны игры – *хойр наадан* (глухарина игра), *баабгайн наадан* (медвежья игра). В играх, танцах воспроизводятся повадки птиц, зверей, отражались занятия людей: *мори хургаама наадан* (танец укрощения коня), *арһа элдэхэ* (выделка кожи), *юумэ оёхо* (шитьё). Играли в няньку, в охотника. И ни один праздник не обходился без самого любимого и древнего хороводного танца *ёхор*.

В силу натурального хозяйства жизнь бурятской семьи была очень нелёгкой, и многое, необходимое для проживания, изготовлялось собственными руками. От убитого домашнего животного в дело шло почти всё. Из волос конской гривы и хвоста изготавливали верёвки, вожжи, дужки для ведер, сети для ловли рыбы, путы для лошади. Применяли конский волос для струн национального музыкального инструмента *хуура*. Верёвки «вили» и из кожи коров. Из спинной части лошадиной шкуры вырезали тетиву к луку, из рогов коровы варили клей, а мелкие косточки скота, особенно овец, были незаменимы в играх (*шагай*) детей и даже взрослых.

Точно так же на самые разные нужды использовалась в быту шерсть. Войлок (*шэрдэк*) – замечательное изобретение кочевников. Где он только ни пригождался! Для покрытия *юрт*, для одежды, войлочной сумки. Войлок – это постель, а ещё – деталь седла, потник под седло, попона для коня. В наши дни сапоговаляльная фабрика холдинга «Наран» («Солнце»), возглавляемого депутатом Народного Хурала Республики Бурятия Виктором Леоновичем Савельевым, нашим земляком, возродила производство *шэрдэков*. Они пользуются большим спросом и востребованы населением не только Бурятии, но и соседних областей.

Буряты всегда славились как мастера «домашней промышленности», что многократно отмечали заморские и отечественные путешественники. Они изготавливали топоры и ножи, конскую упряжь, были великолепными мастерами кузнечного дела, обрабатывали кость и бронзу, плавил золото, умели обкладывать серебром и оловом железо, конскую сбрую, ножны, пояса. «Железные их вещи с серебряною насечкою славны во всей России под именем братской работы», – писал один путешественник.

Кочевые народы давно научились использовать лес, но использовали его разумно и бережно. Рассказывают, в давние времена они обогревали жилище, совсем не рубя деревьев. Сушили *аргал* – навоз – и топили им очаг. *Аргал* горел долго, жару давал много, мог поддерживать тепло всю ночь.

У природы брали только необходимое и ничего лишнего. Надо срубить дерево – человек молился, просил разрешения у хозяина местности. Охотник охотился только на тех зверей, которые уже состарились, не могли дать потомства или на тех, чьё соседство опасно для людей и зверей.

Хранили в чистоте воду и землю. Ношение *гутулов* (мягкой обуви с загнутыми кверху носками) объясняется желанием не поранить землю.

Строительный материал старались заготавливать зимой, когда дерево «спит», когда в нём меньше, чем летом, влаги. По древним воззрениям рубить проснувшееся дерево нежелательно. Зимой же по его стволам и ветвям не бегут живительные соки, и при рубке оно не почувствует «боли».

Нож и топор были универсальными инструментами бурят. Хороший нож и топор берегли и даже передавали по наследству. Этими и другими нехитрыми инструментами возводили чудные храмы и изготавливали мебель, низкую, раскладную, удобную при перекочёвках, мастерили сундуки и детские игрушки. Дерево использовалось при изготовлении лука и стрел, музыкальных инструментов *хуура*, *лимбэ*. А посуда! Подойники, маслобойки, пиалы, ложки-поварёшки, корытца, ступки – всё из дерева. Корни, кап (нарост на стволе) шли на изготовление посуды в технике долбления.

Незаменимый материал для туесков – «термосов» далёких и близких предков, – берёза. Берестяная посуда в бурятских *юртах* и русских избах была самым популярным предметом домашней утвари. Сегодня нам трудно представить, что совсем недавно – по историческим меркам – из широких пластов бересты специальными волосяными кручеными нитками шили – в прямом смысле! – большие, до 70 сантиметров высотой кадки (*торхо*). В них хранилась *аарса*, продукт, получаемый в процессе перегонки молочной водки – *тогооной архи*. *Аарсу* заготавливали впрок, до 10-15 берестяных кадок, и употребляли зимой как сытный, согревающий продукт.

Работа в бурятской семье строго распределялась на мужскую и женскую. Женщина хозяйничала в *юрте*, в доме. До недавнего времени так было не только у бурятского народа. И у русских есть пословица по поводу «разделения обязанностей»: «Мужик да собака – во дворе, баба да кошка – в избе». Кое-кто, кажется, особенно из женщин, грустит сегодня, что «всё смешалось» в нашем современном мире...

Жизнь предков текла размеренно и чётко, женщина была хранительницей очага, а очаг – центром поклонения. С очагом связано много важных запретов, от соблюдения которых зависит благополучие семьи. Так, нельзя касаться огня ножом, запрещается лить воду в огонь. До сих пор сохраняется обряд очищения огнём, обряд приобщения невесты к домашнему очагу.

Приготовление пищи – первая обязанность женщины. Часов не было, отсчёт времени вёлся по солнцу, по углу падения луча через *дымник* – верхнее отверстие *юрты*. Солнце «в изголовье кровати» – время утреннего чая. Полдень, когда светило в зените и тень самая короткая, назывался «молочным», хозяйка занималась переработкой молока. Вечер (солнце в «изножье кровати») – время, когда надо пригонять скот, доить коров, готовить ужин.

Самый почётный сакральный продукт в любой восточной семье – молочная пища, сопутствующая человеку от рождения. И сегодня жив древний обычай: прежде всего поставить гостю на стол белую пищу: сметану, сливки, просто молоко. С него начинается угощение. Молоком брызгают вслед, когда провожают в дальнюю дорогу, чтобы путь был широким и чистым. Белой пищей угощают духов, встречают невесту, чествуют победителей на *сурхарбанах*, летних спортивных праздниках, а также встречают и провожают *Сагаалган* – Новый год по восточному календарю.

На плечи бурятской женщины ложилась такая трудоёмкая работа, как изготовление войлока, обработка шкур домашних животных, ткание волосяных ковриков.

Детей рано приучали к труду, памятуя, что «человеком становятся с детства, вожак табуна с жеребёнка». Взрослые брали с собой на работу малышей, даже если те пока не в состоянии действительно помочь, мудро считая, – «пусть глаза привыкают к работе».

Повседневная жизнь была строго регламентирована традициями, обычаями. Мальчишкам с раннего детства внушали, что они должны стать настоящими мужчинами. Идеальный мужчина должен многое уметь: мастерить сани, телеги, конскую утварь, плести кнут из восьми ремешков, плести треножник (волосяные путы) для коня, натягивать тетиву лука, стрелять из лука и ружья, быть наездником, охотиться, знать кузнечное дело, бороться и ударом руки ломать позвоночную кость. Таковы Девять доблестей *батора* (богатыря).

Воспитывали юношей через конные скачки, стрельбу из лука, бурятскую борьбу. В каждой семье мальчика с малых лет, как только начинал ходить, садили на коня. Родители специально выделяли в табуне жеребёнка, чтобы он рос вместе с ребёнком и считался его собственностью. Учили же ездить верхом поначалу на объезженной смирной лошади. Умение ездить на коне, ухаживать за ним было важнейшим качеством каждого юноши. Подчёркивая совершеннолетие, говорили: «Руки твои достали седельную сумку, ноги – стремя седла». (*Гарыешни ганзагада, хулыешни дурөөдэ хургэбэбди*).

А сколько мудрости в этнопедагогике, например, в заучивании родословной, в обычаях знать и хранить свои корни! Удивителен тон народных поучений, которые требуют неукоснительного их выполнения: «Не смейся над престарелыми и бедными. Старайся сделать что-нибудь доброе нищему, слепому. Если им трудно, помоги. Не обижай малышей. Обогрей замёрзших, накорми голодных, приюти бездомных. Не принуждай жаловаться старых. Не смейся над чужой бедой». Грешнее и страшнее слова «сирота» не знали. И хорошо, что в последние годы медленно, но неуклонно приметой нашего времени становится институт приёмной семьи.

Существовали строгие запреты, нарушение которых расценивалось как неприличие и даже предвестник несчастья. Нельзя сидеть на пороге, нельзя плевать в огонь, кидать в него мусор и грязь. Многие запреты не имеют логического объяснения (почему, например, нельзя давать и брать левой рукой – только правой, свистеть в *юрте* и так далее), хотя сотни людей их соблюдают, а ещё больше, по свидетельству современных исследователей, знают их, но не соблюдают. Так течёт жизнь из века в век, из года в год.

Менее всего мне хотелось, чтобы из всего описанного сложилось идиллическое представление о жизни бурят в прошлом. Но то, что жизнь любого этноса России за последнее столетие претерпела разительные изменения и перемены, несомненно. И нет таких волшебных весов, на которых можно было бы до грамма измерить всё позитивное и негативное, привнесённое советской властью. О тяжёлой жизни народов до революции написаны монбланы книг. Но ведь кроме белого и чёрного существует много оттенков, порой переходящих друг в друга. Поэтому возрождение добрых народных традиций сегодня подобно охране огня нашими предками.

**Нелли Коробенкова,
наш внешт. корр.**